

ЛИНГВИСТИКА

А.Е. Аникин

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Три пути русских за Урал: свидетельства языка

Предлагаемая (авто)реферативная статья¹ основана на сведениях, почерпнутых, по преимуществу, в двух ранее опубликованных словарях [Аникин, 2000а; 2003] и некоторых других публикациях автора [Аникин, 2000б; 2000в; 2001], посвященных контактам русских старожилов и первопроходцев Сибири с ее коренным населением. В статье использованы результаты исследований многих ученых, – прежде всего проф. Гамбургского университета Е.А. Хелимского, очень много сделавшего для изучения рассматриваемой проблематики (см., в особенности: [Хелимский, 2000; 2002]), а также проф. Н.Н. Широбоковой. Автор имеет счастливую возможность постоянно пользоваться консультациями названных специалистов.

Объем литературы, релевантной для обсуждаемой проблематики, весьма широк и не может быть сколько-нибудь полно отражен в рамках данной публикации. В списке литературы приводятся лишь основные использованные работы (помимо уже указанных), а именно, работы А.А. Зализняка [2004], А.К. Матвеева [2001; 2004], В.В. Напольских [1997], С.Л. Николаева [1990], А.М. Селищева [1968], М. Фасмера [Vasmer 1960], В. Штейница [Steinitz 1980], А.Л. Шилова [1999] и Ю. Янхунена [Janhunen 1997]; см. также литературу в примечаниях к тексту статьи.

Начать уместно с известного тезиса, согласно которому русская колонизация Сибири на раннем ее этапе стала продолжением Новгородской колонизации севера Восточной Европы. В связи с этим – несколько слов о предыстории русского проникновения за Урал.

По археологическим данным, примерно с середины I-го тысячелетия н.э. в бассейнах озер Ильмень и Псковское появилось славянское население, язык которого с XI в. стал отражаться в древненовгородских берестяных грамотах и иных письменных памятниках, создававшихся на псковско-новгородских землях. Благодаря проводимым в последние десятилетия интенсивным исследованиям этого материала и современных псковско-новгородских говоров, стало ясно, что древненовгородский диалект был чрезвычайно архаичным в лингвистическом плане и обладал целым комплексом особенностей, отличающих его от остальных великорусских и других славянских диалектов. По существу, речь идет об особом славянском языке – точнее, о диалекте с задатками особого славянского языка, которым не суждено было развиваться, поскольку Новгород со временем потерял независимость, и его языковая специфика стала нивелироваться.

Ярким примером этой специфики является отсутствие в древненовгородском так называемой второй общеславянской палатализации заднебных согласных, которая прослеживается в рус. *цельй, цеп, цевка* ‘шпулька’, *цедить* и ряде других

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 04-04-00297а. Она содержит немного расширенную версию доклада, прочитанного 26 января 2006 г. на заседании Президиума Сибирского отделения РАН, а также 20 марта 2006 г. на заседании Ученого совета Института филологии РАН.

слов. В древненовгородском же (и в современных северо-западных русских говорах) эти слова звучат с сохранением начального *к*-, что подтверждается, между прочим, старым заимствованием из русского в эстонский – *kääv* ‘цевка, катушка’.

Новгородцы очень рано стали продвигаться на Север, и уже в XI–XII вв. стали осваивать бассейны Онеги и Северной Двины, так называемое Заволочье. Само это название образовано от слова *волок* в значении ‘отрезка пути, по которому челны или иные суда волокут с одного водного пути на другой’ (важнейший термин восточнославянской колонизации). Возле водно-волоковых путей возникали поселения и кусты поселений. В колонизации территорий, которые нередко именуют Русским Севером, что в узком смысле соответствует современным Архангельской и Вологодской областям, и в дальнейшем расширении своих владений на Севере Новгород имел конкурентов – владими́ро-суздальских князей, ставших склонить население Заволочья на свою сторону.

Уже в бассейнах оз. Ильмень и Псковское новгородцы вступили в тесный контакт с местными финскими племенами (прибалтийско-финскими), с саамами и разной по составу, но в целом уралоязычной чюдью (впоследствии вымершей и/или ассимилированной)¹. По мере продвижения новгородских колонистов на Север начались их контакты с коми-зырянскими и ненцами.

Для обозначения соседей появились особые этнонимы, в том числе этнонимы типа *сумь*, *весь*, *либь*, та же *чудь* и т.д. – все это имена с собирательным значением, как правило иноязычного происхождения.

К ряду подобных этнических названий относится и этноним *русь*, ставший позднее названием государства восточных славян. Данный этноним, согласно наиболее рациональной и соответствующей фактам этимологии², заимствован от прибалтийских финнов, из источника, связанного с современным финским *Ruotsi* ‘Швеция’, *ruotsalainen* ‘швед’, эст. *Rootsi* ‘Швеция’, также в карельском и т.д. Исходное прибалтийско-финское слово реконструируется в виде **rootsi* или **ruotsi* ‘скандинав, швед’, которое, в свою очередь, выводится из скандинавских языков – предположительно как название ‘гребцов, мореходов’. Германский корень (тот же, что в нем. *Ruder* ‘весло’ и проч.) засвидетельствован надежно и сомнений не вызывает. Важно подчеркнуть, что из п.-фин. **rootsi* происходят также древне-немецкое **luomca* ‘русский’ и коми *роч* ‘русский’.

Говоря о проникновении русских за Урал, обычно вспоминают о походе Ермака в конце XVI в., в результате которого открылся путь в Сибирь через Поволжье, Прикамье, Урал к Тюмени/Тобольску. Этот путь в Сибирь (рано ставший и дорогой на каторгу, в ссылке)³ открылся русским лишь после того как в середине XVI в. к Московской Руси было присоединено Казанское ханство.

При этом нередко имеет место, в том числе и в лингвистической литературе, недооценка или даже игнорирование двух **северных** путей в Сибирь.

По крайней мере, к XIII в. новгородцами был прочно освоен Чрезкаменный Печерский путь, ведущий через Заволочье в Припечерье и далее в Югорскую землю, простиравшуюся по обе стороны северного Урала и с востока захватывавшую

¹ О вымерших языках дославянского населения Русского Севера можно судить по оставленной их носителями топонимии и субстратных элементах в севернорусских диалектах (см. в трудах А.К. Матвеева и других ученых).

² Подробное обсуждение проблем, связанных с происхождением слова *Русь*, см.: [Библикова и др., 1989, с. 293-309].

³ Ему посвящено несколько строк (биографически связанных с эвакуацией из Ленинграда в Среднюю Азию во время войны) в «Поэме без героя» Ахматовой: *И уже предомною прямо // Леденела и стыла Кама, // И «Quo vadis?» кто-то сказал, // Но не дал шевельнуть устами, // Как тоннелями и мостами // Загремел сумасшедший Урал. // И открылась мне та дорога, // По которой ушло так много, // По которой сына везли, // И был долог путь погребальный // Средь торжественной и хрустальной // Тишины Сибирской Земли.*

запад современного ХМАО. Но путь этот несомненно был известен новгородцам гораздо ранее – как можно судить уже по включенному в «Повесть временных лет» под 1096 г. рассказу новгородца Гюряты Роговича: *послах отрок свой в Печору¹, люди, яже суть дань дающие Новгороду, и пришедшию отроку моему к ним, оттуда иде во Югру; Югра же людье есть язык нем и соседят с Самоядью на полунощных странах.*

Новгородские походы в Югру достигали, по всей видимости, Нижнего Приобья и Северного Прииртышья. Еще более широкую географическую перспективу открывал так называемый Мангазейский морской ход. Если Южный путь ассоциируется с Транссибом, то здесь можно говорить о предшественнике Севморпути. Морской путь на Восток, прочно освоенный к середине XVI в., но опробовавшийся, видимо, гораздо ранее, вел из Архангельской земли, Поморья (конкретнее – из устья Сев. Двины) по морю к Ямалу, затем волоками и небольшими реками к Обской губе, пересекая которую попадали в Тазовскую губу (одно время она называлась *Мангазейским морем*) и затем на Таз, где в 1601 г. и была основана Мангазея; с Таза к Енисею и на Таймыр. Промышленники поднимались и вверх по Енисею.

В 1478 г. Новгород потерял независимость, а его владения отошли к Москве. Интенсивное русское заселение Сибири началось в XVII в., и шло под московским руководством, по более удобному южному пути. Однако значительную часть русских насельников Сибири XVII–XVIII вв. составляли выходцы с севера Европейской России – из Архангельской, Вологодской, Вятской и других земель, на что указывают, между прочим, старые сибирские фамилии вроде *Колмогоров, Комогорцев, Холмогорский, Вологодский, Вяткин, Мезенцев* и т.д. Землепроходец Ерофей Хабаров, в честь которого назван Хабаровск, был *устюжанином*.

Выходцы с Севера были носителями русских говоров, которые сложились на территориях как бывших новгородских, так и бывших владими́ро-суздальских владений. К наиболее характерным говорам первого типа относятся – из современных – обонежские в Карелии, большая часть архангельских, второго – ярославские, костромские, и большая часть вологодских.

За время длительного соседства два вида говоров сблизились, различия между ними отчасти стерлись и возникли черты единого севернорусского типа, объединяемого, в частности, так называемым оканьем. В Сибирь шли колонизационные волны также из Средней и Южной России, но в целом за Уралом к XIX в. доминировало севернорусское диалектное начало, что нашло отражение и в старых заимствованиях из русского языка в языки Сибири, особенно на севере.

Выявление новгородских и старых севернорусских черт в массиве русско-сибирских языковых данных начиная от памятников письменности и фиксаций русских слов учеными XVIII в. (Миллером, Палласом, Крашенинниковым и другими) и кончая записями современных сибирских диалектов – задача, важная для истории русского языка в Сибири, а в определенной мере и для изучения языкового наследия Древнего Новгорода.

В качестве примера сибирского фонетического диалектизма, имеющего севернорусские параллели, можно указать на замену гласного *ы* после *б* и *м* на *у* в Колымско-Анадырском регионе: *промусол* 'промысел', *було* 'было', *буват* 'бывает' и т.д. (из формы типа *буват* заимствовано долганское *bubaat* с похожим значением). Аналогичные факты отмечены для ряда говоров Вологодчины, Новгородской земли, встречаются они и в берестяных грамотах.

Таких примеров очень много. Они принадлежат не только лексике, но и звуковому и грамматическому строю, а также синтаксису.

Особенно интересны случаи, когда в сибирском материале встречаются очевидные новгородизмы.

---

¹ Здесь имеется в виду некая этническая группа, вероятно, близкая самодийцам.

Иллюстрацией может служить известное в архангельских и вологодских, но также в колымских, туруханских и прибайкальских старожильческих говорах название южного и юго-западного ветра – *шелонник*. Это название, непонятное на Русском севере и в Сибири, объяснимо лишь при учете природно-географических реалий Новгорода: оно образовано от названия р. Шелонь, впадающей в Ильмень-озеро с юга, а Новгород расположен к северу от него.

Одной из особенностей древненовгородской фонетики было развитие сочетания *-мль* в *-нь*. На Новгородчине и сейчас встречается *на зени* в соответствии с литературным *на земле*. Нетрудно заметить, что в известном обозначении плотных слоев древесины, хорошо известном в Сибири – *крень, кренёвый* – сохраняется обломок древненовгородской фонетики, сосуществующий в говорах с синонимичным *кремлёвая древесина*.

В Древнем Новгороде было известно слово *хамь* ‘полотно’. Оно заимствовано из средненижнемецкого языка, а именно, из слова *ham* ‘покрывало, завеса’, родственного современному немецкому *Hemd* ‘рубашка’. Заимствование из средненижнемецкого – факт характерный ввиду известных экономических связей Новгорода с Ганзейским союзом, где основным языком был именно средненижне-немецкий. По всей вероятности, только после присоединения Новгорода к Московской Руси слово *хамь* стало известно и в Москве, но лишь в виде производных. Оно до недавнего времени сохранялось в Московской топонимии – в названиях *Хамовники*, ранее *Хамовная слобода*, т.е. часть города, занимаемая определенными ремесленниками, как и в случаях с Кузнецким мостом, Большой Бронной и т.д. Слово *хам* отыскалось в одном из памятников русско-сибирской письменности XVIII в., где некто рассказывает, что купил себе *два хама* на одежду, а также, по-видимому, в русскоустынской загадке *на избе вышитый хамячок лежит* (отгадка: созвездие Плеяды)¹, где *хамячок* может быть названием полотна, близким древненовгородскому *хамець*, деминутиву от *хамь*.

Но еще удивительнее наличие и живое бытование слова *qam* ‘полотно’ в современном селькупском языке, куда оно заимствовано из русского.

Огрубляя ситуацию, можно сказать, что Мангазейский морской ход отмечен прежде всего контактами русских первопроходцев с самодийцами (ненцами, а также нганасанами, энцами); Чрезкаменный печерский путь – русско-коми-зырянскими, русско-самодийскими и отчасти русско-обскоугорскими контактами. Хорошо известно, что коми-зыряне вообще очень активно участвовали в русском движении на Восток, выступая в частности, как проводники.

Южный же путь отмечен прежде всего контактами русских с тюркским языковым миром, особенно с татарами Поволжья, Приуралья и Западной Сибири.

Для обоих северных путей характерны многочисленные (многие сотни) заимствования прибалтийско-финско-саамского происхождения. Из занесенных в Сибирь слов можно указать *морда* ‘рыбная ловушка’, *нерпа* (животное), *ровдуга* ‘оленья замша’, *таймень* (рыба), *тундра*. Сюда же относятся этнонимы *зыряне* и *самоеды*, соответственно с прибалтийско-финской и саамской этимологией. Возможно, что этноним *чудь* из саамского. Часть заимствований происходит из вымерших финно-угорских языков, например, *курья* ‘залив’ и *шар* ‘пролив’ (в названиях проливов Полярных морей – *Югорский шар, Маточкин² шар* и др.).

Интересно старосибирское слово *одекуй* ‘бисер’, относящееся к ранней стадии русско-ненецких контактов и заимствованное из ненецкого (*нг*)*одяко*

¹ Переиначенная якутская загадка типа ‘на юрте выщербленная поварешка лежит’ (= ‘месяц на ущербе’). Характерно сочетание «досибирского» архаизма и кальки с аборигенного языка.

² От *Матка*, названия Новой Земли у поморов. Это слово связано с сев.-рус. *матка* ‘компас (самодельный)’, происходящего, скорее всего, из прибалтийско-финского *matka* ‘путь, дорога’, ср. поморское выражение *держу матку на матеру* ‘правь в сторону суши’.

‘ягодка’, ‘бисерина’. Судя по отсутствию отражения ненецкого (*нг-*) в русском, что указывает на заимствование из крайнезападных ненецких говоров, это слово было заимствовано где-то в Заволочье, но сохранилось только на севере Сибири и лишь в XVII–XVIII вв., а затем было забыто.

Наиболее характерным маркером каждого из трех путей в Сибирь, поданных здесь, так сказать, стратегически, отвлекаясь от деталей, является обозначение главных героев рассматриваемого исторического процесса – т.е. самих русских.

Для Мангазейского морского хода это упомянутое выше др.-нен. *луотса, откуда современное нен. *лууца*, заимствованное далее эвенками (*лууча*) и от эвенков якутами (*луучча*, *нуучча*) и другими тунгусо-маньчжурами, а далее нивхами, айнами; указывают также на кит. *eluoši*.

Основным этнонимическим маркером сухопутного Чрезкаменного пути является коми *роч* ‘русский’ (более древняя форма типа *ручь), заимствованное далее в хант. *руть*, а также сельк. *рушь*.

Наконец, широко распространенное в тюркских языках название русских типа *урус*, *орус* можно определить как основной маркер южного пути.

По всей Сибири было распространено еще одно название русских, по-видимому, характерное для московского периода ее колонизации, и представленное якутским *хасаах*, а также диалектными алтайскими, шорскими и т.п. названиями типа *казак*, заимствованных из русского, что не удивительно, поскольку первыми русскими, появившимися в разных местах Сибири, часто и были как раз *казаки*. На Аляске, в эскимосских диалектах, слово *касак* до 1867 г. обозначало русского человека, а после прихода американцев получило значение ‘американец’. Русских же эскимосы стали звать *касатик*, букв. ‘настоящий казак’.

Скорее всего, именно на северных путях возникло старое русское название Урала – *Камень*. Конечно, оно исконнославянское. Но можно с большей степенью вероятности утверждать, что как обозначение Урала оно сложилось под влиянием коми *Из* ‘Урал’, букв. ‘Камень’, а также нен. *Хабэй Пэ* ‘Урал’, букв. ‘Остяцкие камни’ и хант. *Кев* ‘Урал’, буквально ‘камень’, аналогично манс. *Нёр* (= ‘камень’).

С Чрезкаменным путем несомненно связан этноним *Югра* и название *Югорской земли* – из коми *йёгра* ‘хант, мансиец’. Здесь же следует указать на известный в новгородских источниках с XIV в. гидроним *Обь*, на происхождение которого указывает старое название Салехарда в языке коми – *Обдор*. Это коми слово с буквальным значением ‘место у Оби’; отсюда русское название низовьев Оби – *Обдора*, зафиксированное в берестяной грамоте XIV в., как минимум за 200 лет до основания русского города *Обдорска*. Коми *Об* представлено также в коми названии притока Камы *Обва* (-ва ‘река’) и может быть тождественно слову *об* ‘сугроб, снежный завал’. Ряд слов, связанных с Чрезкаменным путем, можно продолжить старым названием ненцев междуречья Оби и Енисея – *юраки*, близким хантыйскому и мансийскому названию ненцев – *Joran/Jaran*.

С южным путем в Сибирь связан топоним *Сибирь*, из татарского *Сэбэр*, названия столицы покоренного Ермаком ханства (само это название, возможно, угорского происхождения). Далее сюда относятся топоним *Тюмень* (из тюрк. *tümen* в значении ‘область, обязанная поставлять столько-то воинов’, буквально ‘10000’); этноним *остяк* (< тюрк. *istäk – исходно обозначение инородческого языческого населения, ср. казах. *istäk* ‘башкир’ и т.п.), ставший у русских до 30-х гг. XX в. названием хантов, селькупов и кетов.

Кроме уже упомянутых свидетельств, касающихся Мангазейского морского хода, следует назвать само обозначение *Мангазеи* (*люди самоедь, зовомые Малгонзеи* в сказании «О человецех незнаемых на восточной стране и о языцех розных», XV в.), данное русскими по ненецкому племени *Монканзи*, на что указывали еще в XVIII в. От ненцев же усвоено название р. *Енисей* (др.-нен. *Енесий*); из ненецкого происходит и старинное русское название эвенков – *тунгус*. Поскольку

мангазейские промышленники поднимались и вверх по Енисею, мы обязаны им названиями *Нижней* и *Подкаменной Тунгусок* (правых притоков Енисея) и *Енисейска*, а возможно, и реки *Лена* и *Ленского острога* (предшественника Якутска). Название Лены обычно объясняют, опираясь на данные сибирских языков. Может быть не случайной, однако, близость этого гидронима и старорусского прилагательного *леная* (< *lěnaja, в форме женского рода) ‘медлительная, ленивая’¹. Такое название (субстантивированное *Лена* < **лена(я)*) для Лены в принципе не подходит, но оно могло быть дано первопроходцами по контрасту с более стремительными реками, которые встречались им в Восточной Сибири.

Со словом *тунгус* связан, пожалуй, наиболее яркий пример бытующего до сих пор в научной литературе – и вполне серьезной – объяснения, не учитывающего фактора ранних северных путей русских за Урал (такие объяснения имеются и для слов *Обь*, *Енисей*, *остяк*). Речь идет о выведении названия *тунгусов* из тюрк. *tonguz* ‘свинья’, с той мотивировкой, что эвенки занимаются свиноводством. Это объяснение не может быть принято уже потому, что абсолютно не соответствует исторической картине раннего русского проникновения в Сибирь.

В связи с темой слов тюркского происхождения следует напомнить, что среди них есть заимствованные в русский язык из лексикона Золотой Орды и отражающие укрепление на Руси московской власти. До сих пор употребительны *казна*, *казначей*, *тамга* (точнее, производные от него *таможня*, *таможник* – некогда сборщик подати при татарском управлении на Руси). Утратили свои позиции и стали историзмами лексемы *ярлык* (как название ханской грамоты), и, особенно, *ясак* – подать с местного населения, в особенности, подать пушшиной, взимание которой, как известно, составляло основную цель московской колонизации Сибири, подобно тому как это было в случае с французской колонизацией Канады, – но не в случае с британскими и испанско-португальскими завоеваниями [Вахтин и др., 2004, с. 16].

Пушнина (наряду с серебром) была и целью новгородцев. В берестяных грамотах встречаются характерные названия *песец* (XII в.) и *соболь* (начало XIII в.). Европейские названия соболя наподобие франц. *sable* известны с XI в. и происходят, по-видимому, из русского. Естественно думать о древненовгородском источнике, что было бы весьма интересно и в культурно-историческом и в лингвистическом отношении. Но пути распространения слова нуждаются в уточнении. С новгородской колонизацией несомненно связан и такой фаунистический термин, как севернорусско-сибирское *норник* ‘песец (молодой, еще не выходящий из норы)’, заимствованный – что географически показательно – от русских колымчан и индигирщиков в северные говоры якутского и в тундренный юкагирский. Это слово является севернорусским новообразованием (чешское *normik* ‘песец’, конечно, из русского), и реконструкция праславянского *norьnikъ [Этимологический словарь, 1999, с. 198] весьма проблематична.

Литература

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск; М., 2000а.

Аникин А.Е. Из лексического комментария к русской колонизации Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2000б. № 4.

Аникин А.Е. Проблемы русской диалектной этимологической лексикографии. Дисс. в виде научн. докл. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000в.

Аникин А.Е. Из воспоминаний полевого ученого секретаря // Фольклор и литература Сибири. Памяти А.Б. Соктоева. Новосибирск, 2001.

¹ Соответствующий материал см.: [Этимологический словарь, 1987, с. 210].

- Аникин А.Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск, 2003.
- Бибикина М.В., Зализняк А.А., Литаврин Г.Г., Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., Флоря Б.Н. Комментарии к главе 9 // Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989.
- Вахтин Н., Головкин Е., Швайцлер П. Русские старожилы Сибири. М., 2004.
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. Втор. изд., перераб. с учетом материала находок 1995-2003 гг. М., 2004.
- Кожевникова О.А. Заимствования в лексике говоров Русского Севера и проблема общего регионального лексического фонда. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.
- Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Вып. 1. Екатеринбург, 2001; вып. 2. Екатеринбург, 2004.
- Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.
- Николаев С.Л. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4.
- Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968.
- Хелимский Е.А. Компаративистика, уралоистика: Лекции и статьи. М., 2000.
- Хелимский Е.А. Трансъевразийские аспекты русской этимологии // Русский язык в научном освещении. 2000. № 2 (4).
- Шилов А.Л. Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999.
- Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 14. М., 1987.
- Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 25. М., 1999.
- Janhunen J. The Russian Monsters. On the Etymology of an Ethnonymic Complex // *Studia Etymologica Cracoviensia*. 1997. № 2.
- Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Bd. IV. The Hague; Paris, 1980.
- Vasmer M. Die russische Kolonisation im Spiegel der Sprache // VI Internationaler Kongreß für Namenforschung. Bd. 1 (*Studia Etymologica Monacensia II*). München, 1960.